

Нина Юшкова
Принцесса Фиалка

Сказки

Нина Юшкова
Принцесса Фиалка

«Издательские решения»

Юшкова Н.

Принцесса Фиалка / Н. Юшкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530542-8

Оригинальные сказки-притчи, персонажи которых проходят через тяжёлые испытания, чтобы обрести себя и свой путь. Для младших школьников и их пап и мам.

ISBN 978-5-00-530542-8

© Юшкова Н.
© Издательские решения

Содержание

Колдун	6
Принцесса Фиалка и волшебное зеркало	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Принцесса Фиалка

Нина Юшкова

© Нина Юшкова, 2021

ISBN 978-5-0053-0542-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Колдун

Зимой, в одном большом городе S, в самом его центре, по кривеньким, узеньким переулкам с разбитыми мостовыми и начавшими уже разрушаться старинными зданиями, тяжёлыми серыми нерассветными днями, маленький скрюченный человечик брёл, тяжело сгибаясь под своими истрёпанными котомками. Сапожки его быстро промокали в снежной грязной каше и в коричневых лужах, ибо в том городе было принято лить на снег едкое вещество, заставляющее его таять и съедавшее обувь бедняков. Старый человечек этот, если бы кто заинтересовался посмотреть на него повнимательней, производил жуткое впечатление. Нос его нависал над губой расширяющейся к концу шишкой, плоской сверху и толстой с боков, один глаз полностью был затянут бельмом, а другой уже тоже начал затягиваться. Одиноким жёлтый иссохший клык торчал у него из впалого рта. Землистого цвета лицо было неровно покрыто седыми волосами, которые и бородёнкой-то не назовёшь: они росли отдельными редкими длинными волосинами на щеках, подбородке и даже на лбу, смешиваясь с сизыми комковатыми бровями. Руки же вовсе были непотребны: почти чёрные, покрытые растрескавшейся коркой, с ржавыми, бугристыми, как бородавки, когтями. Старикашка подходил к бочкам, куда хозяйки сваливали отходы, и вынимал оттуда то жестяночку, то стекляночку, то тряпьё, и складывал в свои котомки. Обойдя известный ему участок, он спускался под землю. Длинными подземными ходами добирался он до края города S, где располагались лабиринты бесчисленных старых складов, дымили заводики, где вдруг открывались жёлтые истоптанные пяточки, на которых бойко шла торговля всякой всячиной. Привычно нырял носатый старик в один из лазов в полуразрушенной кирпичной стене и петлял по извилистым тропкам, выведившим его к будке старьёвщика. Здесь он сгружал свой нехитрый товар, получал от громилы-приёмщика копеечку и брёл обратно.

Жил старикашка в подвале огромного дома, и зарешёченные окна его каморки высывались только верхним краешком над булыжниками тротуара. Если бы ему вздумалось посмотреть в окно (а ему это в голову не приходило последние лет двадцать), он увидел бы только мелькающие ноги, а то и вовсе ничего, кроме серой стены дома напротив.

Порой, закутавшийся в чёрный плащ с капюшоном, стоял он на паперти, старательно укрыв своё лицо, но подавали ему плохо, да и бабки прогоняли его своими клюками, не хотели делиться.

Ночами ему не спалось. Всё тот же чёрный плащ делал его почти незаметным, и он ковылял, зорко высматривая одиноких прохожих своим полуглазом. Однажды в мороз, такой, что даже снег не таял в городе S, набрёл старикашка на юношу, лежащего в глубоком сне прямо на крыльце какой-то лавки. Юноша был истощён, тонкокост, и старикашке хватило сил утянуть его в своё жилище. Там он долго стоял, склонившись над лицом юноши, трогал ему веки и губы своими мерзкими руками, внимательно рассматривал его руки и ощупывал тело. Он затащил юношу на свою кровать, а сам стал готовить какой-то вонючий отвар из корешков и травок, извлечённых из узелочков, хранящихся на полках по стенам комнаты. Заметив, что юноша стал просыпаться, стонать и шевелиться, старик привязал его верёвками к своей постели. Долго не мог очнуться юноша, выйти из забытья. Бормотал что-то, вскрикивал, рвался, но верёвки держали его крепко. Наконец, он совсем проснулся и понял, что связан и лежит где-то в незнакомой комнате. Он стал звать на помощь свою мать и братьев, пытался выкрутиться из верёвок, но был слаб и в изнеможении упал на подушку. Тогда старик предстал перед ним и сказал: «Ты поживёшь у меня некоторое время». Юноша ужаснулся его виду, но пересилил ужас и спросил: «Кто ты? И зачем ты похитил меня?» Ничего не ответил старик и отвернулся к плитке, на которой его варево уже остывало. В неистовстве закричал тогда юноша: «Колдун! Мерзкий колдун! Будь ты проклят! Тебя всё равно найдут, тебе несдобровать, коли ты меня не отпустишь!»

Он ругал колдуна, поносил его последними словами, а потом начал молиться. Но и молитва не брала колдуна. Он, коварно усмехаясь, помешивал в кастрюльке. Юноша обессилел и потерял сознание. А колдун сел около постели и взял его за руку. Долго ли, коротко ли пробыл без сознания юноша, однако он очнулся и попросил пить. Колдун налил большую кружку своего отвара и поднёс к губам юноши, который начал жадно глотать. Но не сделал он и трёх глотков, как сотрясло его, и вода пошла обратно, а старик с готовностью поддержал ему голову и подставил миску. «Ты отравил меня! Я умираю! – вскричал юноша, – проклятый, проклятый колдун!» Но он не умер и через некоторое время заговорил: «Проклятый колдун, ты не убил меня сразу, неужели ты хочешь мне лютой смерти? Ты хочешь, чтобы я погиб от жажды? Я хочу пить. Пить!» Ничего не сказал колдун, только молча сидел в углу и таращился своими бельмами. И взмолился юноша: «Дай мне попить хотя бы той горькой отравы, что давал мне в первый раз. Пусть умру от неё, но хотя бы напьюсь перед смертью». И колдун снова поднёс ему к губам большую кружку, и юноша пил, морщась от горечи и отвращения, и выпил до дна. И видит юноша: колдун стал расти, возвышаться над ним, громаден он, и разомкнулись над ним своды, а он ещё растёт и ещё, и вот уже и не колдун это, а сам город над ним громаздится, застилая свет, купола церквей слились в один огромный купол-голову с глазницами колоколен и со зрачками колоколов. И каменные руки-улицы простираются вширь, сгребая всё пространство, и заскорузлые пальцы-переулки кривятся в гневной судороге. И колоннады дворцов – это его мощное туловище, негнущееся и громаздкое,двигающееся боком, ближе и ближе, а ноги вырастают в мостовые, да что там – мостовые – это и есть его ступни, и врос он в землю намертво. Вдруг выворачивающий душу треск – это чудовище выдирает ногу, да ведь как это возможно?! Ведь рухнет и рассыплется в прах, оторвавшись опорой от земли?! Однако, со скрежетом и громом поднялась ступня каменная с домами, площадями и набережными, провалилась под ней земля в тартарары, зияет пропасть на полгорода, запахло холодным могильным тлением, и опускается эта глыба прямо на тело юноши, и с безумной болью дробятся его косточки в песок, а вот и на голову давит каменная масса, и раскололась голова его, как орех.

Очнулся юноша от озноба, что его сотрясал, потому что был он весь мокрый, и рубаха насквозь и постель. Холодный пот заливал ему глаза, но заметил юноша, что верёвок не было. Хотел он руку поднять – да не может, ослабела рука. Долго ли, коротко ли он лежал, однако пересилил себя и сел. Стены перед ним ходуном ходят, пол шатается, потолок колышется, а самого его лихорадка бьёт. Наконец, перестала голова кружиться, а глаза туманиться, разглядел он и комнату колдуна и его самого, сидящего в углу. Хотел встать да броситься, но ноженьки подкосились, и упал на пол, а встать не может. «Опоил, опоил колдун меня, силы мои выпил, не видать мне воли вольной», – думает юноша. А колдун швырнул ему старую овечью шубу: «На вон, укутайся, ты мне ещё годишься». Завернулся юноша в шубу, согрелся да и заснул. А когда проснулся, видит: прикован он железным браслетом и толстой цепью к кровати, кровать та в пол ввинчена, под кроватью ночная ваза стоит, а перед ним кувшин. Колдун исчез. И почувствовал юноша, какая сильная жажда его мучает, глотнул из кувшина, а там чистая вода, вкусная, родниковая. Залпом выпил он полкувшина. Посмотрел на свои руки-ноги – не дрожат, и давай на цепи рваться-тянуться, а никуда дотянуться и не может, ни до полок с мешочками, ни до окна, ни до двери. Как пёс дворовый! Так весь день и прометался. К ночи явился колдун, мокрый с головы до пят, снял свой чёрный плащ, в угол повесил.

– Отпусти меня, колдун, ты же силы выпил мои, пожалей меня, мою молодость!

Молчит колдун, кряхтит, в котомках своих шарится, как глухой.

– Отпусти меня, болен я, лекаря мне нужны и снадобья, если не приму вовремя, не выжить мне. Хворь у меня неизлечимая.

Злобно, искоса, глянул колдун, ничего не ответил.

– Ой, ой, подступает моя хворь, боль лютая, позови моего лекаря, дай мне снадобья! – так юноша кричал в беспамятстве и корчился от недуга страшного.

А колдун дождался, пока юношу жажда мучить начала, и опять напоил его своим горьким отваром. И понял юноша, что зачаровывают его, превращают, что не быть ему таким, как раньше. В бреду и горячке кричал он колдуну:

– Я знаю! Я знаю! Ты хочешь, чтобы я стал таким, как ты!

– Да! – громовым голосом отвечал колдун и смеялся, булькая, пока не зашёлся в кашле.

– Не хочу, не хочу быть таким, как ты, я молод и красив, а ты уродлив и отвратителен! Кто ты? Был ли ты когда-нибудь юн? Почему ты выбрал меня? Какой выкуп ты хочешь, чтобы отпустить меня на волю?

И колдун отвечал:

– В стародавние времена, о которых ты, возможно, даже и не слышал, я был юн и отважен, и воинственен. И напали на нашу страну враги. Я сражался храбро и слыл одним из лучших воинов. Мы прогнали врагов, но война была страшная, и весь мой род был истреблён. Вернувшись с войны, я горевал очень сильно, а потом пошёл учиться врачеванию. Учился я долго и сделался искусным лекарем. Много людей приходило ко мне за помощью, и всем я распахивал двери. И когда я стал стар, и заныли мои давние раны, явились в мой дом волки в овечьей шкуре, безжалостные и коварные разбойники, переодетые богатыми купцами. Хитростью и силой заставили они меня подписать обманные грамоты, отобрали всё моё добро, а самого меня повезли в лес убивать. И было их много, и каждый ударил меня ножом, и закопали они меня, подумав, что разделались со мною навсегда. Но пока ещё не вытекла из меня последняя капля крови, воззвал я к духу зла, таящемуся в недрах земли, к червям, пожирающим мёртвую плоть, к чудовищам, несущим смерть и разрушения всему роду человеческому, и поклялся я быть их верным слугой и творить зло людям, и мстить безжалостно за то, что злом они отплатили мне за доброту мою! И в пустые сосуды мои затекла зловонная жижа болот, и сердце изъела кислота рыжих муравьёв, и жив я остался только своей ненавистью. А ты – потомок атамана этих разбойников, поэтому и платить тебе сейчас по счетам.

Растворился колдун в воздухе. А кости юноши стали вылезать из суставов и ползти в разные стороны, натягивая кожу до треска. Криком кричит юноша неистовым, молит о пощаде, да некого молить, один он.

Наутро, собираясь уходить, колдун снова поставил перед юношей кувшин воды, да кинул дьявольские чётки, сказав: «Вот перебирай, и на каждую бусину вспоминай свой плохой поступок», и с этими словами он скрылся за дверь. Глянул юноша, а чётки сделаны из окаменевших моллюсков и жуков, с такими хитрыми рыльцами, как будто живы они и наблюдают за ним. Отдернулась рука, отбросила чётки. Вспомнил юноша свои ночные мысли: «А ведь точно превращает меня старик в такого же, как он! Ах, если бы мне только зеркало!» И он в ужасе трогал свои глаза, проверял, видят ли, не затягивают ли их бельма, ошупывал свой нос, не нарастает ли на нём шишка, всматривался в пальцы, не появились ли на них ногти-бородавки, крутил вертел ногами и руками, хорошо ли они сидят в суставах? И вдруг заметил он, что кожа его начала чернеть. Отчаяние охватило его, и начал он рваться на цепи к двери, да всё без толку, только ногу под браслетом раскровянил. Боль-тоска сжимала сердце, сама рука потянулась за дьявольскими четками, и сами стали вспоминаться все его мерзкие делишки и, оказалось, было их немало. И девушек обиженных, и стариков обобранных, и приятелей, битых в спину, и слёз материнских, и лжи и злодейства. И отец, умерший с горя. «Всё. Поймал меня дьявол. Видны ему грехи мои сейчас, как на ладони, и сам я через эти чётки на свой счёт их и записал». Полились слёзы из глаз, закапали в кувшин с водой, а вода и помутнела.

На следующий день у юноши от голода свело желудок, он уж и не помнил, когда ел последний раз. Вот ведь, от ужаса и про еду забыл! А на плите как раз варилась картошка, и её аппетитнейший запах сводил с ума. «Дай мне поесть, хоть крошечку!» – попросил он у колдуна.

Колдун обернулся. Пристально исподлобья долго изучал его свободным от бельма краешком глаза. Потом, не говоря ни слова, поставил перед ним миску с тремя картошками и щепотью соли. Дрожащими пальцами счищал юноша кожуру с горячей картошки, обжигался, ронял её поминутно, очистив, макал в соль и ел. И не было ничего на свете вкуснее, чем эта горячая картошечка с солью! Никакие яства не могли бы с ней сравниться. Поев, он почувствовал себя на какой-то момент даже счастливым, несмотря на натертую браслетом ногу, несмотря на свою жизнь цепного пса. Колдун не ел, сидел, как сыч, наблюдая.

Так и жил юноша у старика. Не знал он, сколько времени прошло, сколько раз сменилась ночь днём, потому что свет в каморке всегда был тусклым, и трудно было разобрать, что там снаружи: солнце или луна. Старик заставлял его перетирать в ступке корешки и камешки для колдовских порошков, латать дырки на своих ветхих одеждах и переписывать книгу заклинаний, которая сильно поистрепалась. Порой горькие слёзы душили юношу, бросал он своё занятие и рыдал отчаянно, проклиная свою неволю, вспоминая мать, как дитя малое, моля о спасении от страшного колдуна, как когда-то она спасала его от соседских собак и от злого гусака, норовившего ущипнуть. Но мама была далеко, не знала, где её сыночек, и не дозваться, не докричаться. «Мама, мамочка, увижу ли я тебя когда-нибудь, мне бы только вернуться к тебе, я стал бы твоим утешением на старости лет, никогда бы больше не причинил тебе страданий!» – так причитал юноша, безнадежно и горестно. Но заметил он, что недуг его прошёл, и боли отступили. Однажды ночью проснулся он от приглушённого разговора. Колдун был не один. Вокруг стола сидели три чёрные фигуры в плащах. Юноша наострил уши.

– Не будет из него толку! Сварим его и съедим! Наконец-то у нас будет мясо! – сказал один из них.

– Мы стары. Нам нужен кто-то на подмогу. Превратим его в уродца и заставим нам служить, – сказал другой.

– Что мы спорим? – сказал хозяин каморки, – это волшебство очень трудное. Оно может не получиться. Да и он слабенький, вдруг да не выдержит превращения? Порешим так: бросим его в кипящий волшебный отвар, если он превратится в уродца и обретёт колдовские способности, будет нам помощник. А если он сварится, что ж, будет нам мясо.

– Да, да! Хорошо придумано, так и сделаем, ха-ха-ха! – Хриплыми голосами захохотали гости.

– А не подслушивает ли он нас? – насторожился один. Он подкрался к постели. Отвратительный удушающий смрад пахнул юноше в лицо. Кровь застыла в жилах. Хотел он сморщиться да отшатнуться, но собрал все свои силы и лежал недвижим, и ни один мускул на лице не дрогнул.

– Спит крепко, – довольно пробормотал гость.

Поднатужившись, колдуны поставили на плиту огромный медный котёл, который обычно стоял в углу, налили туда воды и стали сыпать разноцветные порошки, шепча заклинания и размахивая над ним руками в широких, как крылья, рукавах.

– Теперь пусть кипит до нужного часа.

– Да, зелье должно хорошо провариться.

– А чтоб колдовство удалось, давайте плясать.

Они по очереди хлебнули из высокой зелёной бутылки и закружились, хромая и притопывая, сопя и кашляя, всё быстрее и быстрее, сопровождая своё кружение глухими завываниями, леденящими душу. Их чёрные мантии развевались, казалось, что они удлиняются, вытягиваются во все стороны, хлопая уже и по стенам и по потолку и пролетая над юношей. Холодные вихри пронеслись по комнате, чернота мантий почти слилась с чернотой ночи, в уши врывался топот подошв, хриплое дыхание, стоны, вой, совиное уханье, и в ту минуту, когда рассудок уже чуть не покинул юношу, и он готов был закричать, они прекратили свою пляску и тяжело рухнули на пол. Воцарилась тишина. А потом юноша услышал храп. Колдуны заснули

там, где упали. С быстротою молнии пронеслись мысли у него в голове: как спастись? Ведь у него осталось совсем немного времени. Его кинут в кипящий котёл. Вдруг, к безумному своему восторгу, он разглядел, что его мучитель упал совсем близко от кровати, и ключик, волшебный ключик от железного браслета, торчит у него из кармана. Кинулся юноша к колдуну, вытащил ключ, освободил себя от браслета и опрометью бросился из каморки!

Он нёсся, не разбирая дороги, лишь бы быстрее, быстрее убежать подальше. Не чувствовал, как камни мостовой бьют ему пятки, хватая воздух ртом, ничего не видя вокруг, бежал и бежал. Потом бежать стало уже невмочь, пополз на четвереньках. Прочь! Прочь! Наконец, он совсем выбился из сил. Привалившись спиной к стене здания, он пытался отдышаться. В висках колотилось: «Найдут! Догонят!» Но ноги отказывались нести его. Потихоньку он стал приходить в себя. Забрезжил рассвет, улица стала приобретать контуры. Вот вырисовалось высокое парадное крыльцо, вот проявилась красивая узорная ограда, а за ней зашелетели молодыми листиками на утреннем ветерке кусты, а вот там, за перекрестком загорается огнями в окнах дом из белого камня. И белый фонтан во дворе дома. И чугунный фонарный столб с вычурными литыми украшениями. И вдруг внутри у юноши вспыхнула радость, которую он поначалу не мог понять. Как будто предчувствие, как будто догадка о чём-то важном. И словно отражение лица, приблизившегося издалека к поверхности воды, пришло узнавание. Он знает это место! Как часто он гулял здесь раньше! Да это ведь совсем недалеко от его дома! Из глаз хлынули счастливые слёзы. А мимо брели бедняки на свою подённую работу, и никто не обращал на него внимания. Медленно, уверенно, мощно, город заливала волна света. Вставало солнце.

«Мама! – кольнуло сердце, – мама, прости меня, я иду! Я сейчас увижу тебя, мама!» – Как на крыльях полетел юноша домой, мечтая об одном: поскорее оказаться дома и обнять свою мать.

Принцесса Фиалка и волшебное зеркало

У одного богатого купца родилась дочка. Нарекли девочку Марианной. Отец с матерью её обожали. Её детская комнатка была уставлена самыми красивыми вещами, и каких только игрушек у неё не было! И была у неё самая лучшая в мире нянюшка, добрая и ласковая, пышная, как перина, и сдобная, как булочка. Росла девочка весёлой, шаловливой выдумщицей. И мать с отцом, и нянюшка, и все гости, слуги и соседи умилялись её красоте, необычному сочетанию темных карих глаз и белокурых локонов. Садовник Листик называл её глазки то «смородинкой», то «черешенкой», то «вишенкой». Вокруг дома был разбит чудесный сад, за которым садовник Листик старательно ухаживал. Под его умелыми руками всё лето цвели цветы. Пионы, розы, астры, гладиолусы, георгины, огромные и пышные, сменяли друг друга на клумбах. А на кустах качались на ветру гроздь сирени, черемухи, махровые шапки гортензии. Садовник очень старался, потому что его маленькая госпожа любила цветы. Каждое утро он приходил к ней и спрашивал: «Какие цветы сегодня милы моей маленькой госпоже?» И она отвечала: «Сегодня хочу розы!» Или: «Сегодня пусть будут лилии!» И вся детская и залы, и гостиная были уставлены букетами в старинных дорогих вазах.

Однажды купец со своей женой собирался навестить своего старого приятеля. Велел закладывать экипаж. Дочка стала проситься с отцом: «Папочка, пожалуйста, возьми меня с собой! Мне скучно сидеть дома!» На что отец отвечал: «Ты ещё мала, дочка, поездка дальняя, через лес, ты устанешь!» – «Нет, папочка, не устану, честное слово, я буду вести себя хорошо!» – и она вскинула на отца умоляющие, влажные от слёз, блестящие глаза-бусины. Отец не мог отказать: «Нянюшка, собирайтесь, вы поедете с нами присмотреть за Марианной».

Девочка впервые в жизни видела настоящий лес. Она присмирела от сумрака и суровости елей, поразились прозрачности берез и бесконечной, бесконечной дороге.

Приятель её отца с супругой тоже наперебой восхищались её льняными локонами и смолисто-карими глазами. Радушные хозяева накрыли богатый стол и пригласили музыкантов. Но девочке скоро наскучило сидеть за столом со взрослыми, глазки её потухли и личико суксилось. «Нянюшка, возьмите Марианну и пойдите погулять у опушки леса», – предложил отец, и они отправились на прогулку.

«Лес – это совсем не сад, – рассуждала девочка. – Разве в саду бывает такая высокая нестриженная трава? Да она выше моего роста. Если свернуть с тропинки и идти в траве, то ничего не видно, можно заблудиться. А деревья какие высокие. Выше самой нашей большой яблони. И кто же их такие вырастил, если даже у нашего садовника деревья ниже? И что же это так стрекочет в траве? И где же яблоки, сливы и вишни? Почему их не видно на ветках? Что же, это значит, что деревья бесполезные? Зачем они тогда растут? Какие большие ёлки, такую не поставишь в доме на рождество». И вдруг, на полянке, где трава была не высока, мелькнуло что-то голубенькое. Девочка присела на корточки, нагнулась и приподняла листочек. На неё смотрело прозрачное лиловое чудо. Оно было такое нежное, маленькое и хрупкое, что девочка даже боялась к нему прикоснуться. В изумлении она разглядывала это чудо, потом решилась осторожно дотронуться до него пальчиком. «Ой, какое тоненькое! Как бы не сломать!» Девочка оторвала взгляд от лиловой крошки и увидела, что их много. То там, то тут, полянка была усеяна ими. «Нянюшка! Нянюшка! Иди скорей сюда! Посмотри! Что это такое?» Встревожась, нянюшка поспешила к своей любимице. «Что ты увидела, моя лапушка? Это? Да ведь это просто фиалка». – «А что такое фиалка?» – «Да просто лесной цветочек».

«Цветочек! – Девочка была изумлена. – Да разве цветы такие? Они же не бывают такие малюсенькие. Они же большие и яркие и растут на крепких стеблях». Девочка вспомнила цветы, растущие в их саду. «Цветочек... совсем, совсем другой. Необыкновенный. Волшебный». Она наклонилась к фиалке низко-низко, прикоснулась щёчкой и ощутила тонкий, почти

неуловимый аромат. И этот аромат, и этот прозрачный лилово-голубой цвет притягивали её, ей хотелось одновременно попасть внутрь этого цветка и поселиться там и защитить его ладошками от всего, что могло бы ему угрожать. Нянюшка заметила, что девочка замерла в оцепенении и не может оторваться от цветка. «Давай наберём букетик, дома поставим в маленькую вазочку», – и она уже было потянулась рукой к фиалкам, но девочка вдруг истошно закричала: «Нет! Нет! Не надо! Не трогай! Нельзя их срывать! Они же умрут! Умрут! Я видела, как погибают цветы, которые ставят в вазу. Они блёкнут, вянут, у них опадают лепестки, а потом их выбрасывают! Не надо убивать фиалки!» Потом она заплакала: «Я не могу уйти отсюда. Я хочу видеть их всегда. Я хочу поселиться на этой поляне!» Нянюшке удалось успокоить её только тем, что завтра же садовник Листик поедет в лес и привезёт целый кусок земли вместе с фиалками, не повредив их, а потом посадит около дома. «Только завтра же, обязательно завтра же, ты ведь обещаешь, нянюшка?» И нянюшка без счёту раз торжественно обещала, что непременно завтра же в их саду будут фиалки. И только после этого девочка согласилась вернуться домой. Всю дорогу она думала о том, как ей дождаться утра и как она будет выбегать в сад и жить среди фиалок.

Вечером, уже улёгшись в постель, она попросила нянюшку позвать садовника Листика, и они долго о чём-то шептались. Брови садовника взлетели вверх и выгнулись дугой, а сам он выглядел весьма озадаченно. «Уж я для своей маленькой госпожи постараюсь изо всех сил! Да задача-то непростая. Не любит фиалка садов. Но найдём мы ей тенистый уголок, такой, чтоб ей понравился».

Едва проснувшись поутру, девочка позвала нянюшку:

– Нянюшка! А ты знаешь, как меня зовут?

– Как же, моя деточка?

– Меня зовут принцесса Фиалка.

– Ах! Конечно же, моя лапушка! Как же это я раньше не догадалась! Моя маленькая принцесса Фиалка!

– А Листик уже посадил фиалки?

– Да, моя хорошая. Ни свет ни заря отправился он в лес, а сейчас милая полянка с фиалками уже ждёт мою крошечку в саду.

Вскочила девочка и прямо в ночной рубашке побежала в сад. Нянюшка, охая, прихватив на ходу платьишко и туфельки, поспешила, переваливаясь, за ней.

Упала принцесса Фиалка на коленки перед своей полянкой и аж заалелась от восторга. «Здравствуйте, мои сестрички! Мои чудесные! Мои необыкновенные цветочки!» Она осторожно погладила лепестки и стебельки, пригнувшись, вдыхала тонкий, дурманящий, нежный аромат. Потом она от души обняла садовника Листика, который прослезился от умиления, какою радостью он доставил своей маленькой госпоже!

В сад вышли отец с матерью.

– Ах, вот ты где, Марианна, – сказал отец, – доброе утро!

– Доброе утро, папочка, только я не Марианна, меня зовут принцесса Фиалка.

– Фиалка? – удивился отец.

– Фиалка? – переспросила мать.

– Да, а вот мои сестрички, – сказала девочка, указав на лесную полянку.

– Опять причуды! – улыбнулась мать, целуя свою доченьку.

– Опять новая выдумка! – усмехнулся отец и тоже поцеловал её. – Однако, ты уже становишься большой. Игры играми, а пора тебе и учиться. Я как раз сегодня хотел познакомить тебя с твоей учительницей мадам Ворчу. Она будет тебя учить читать, писать, считать. А так же хорошим манерам.

И после завтрака, как раз когда маленькая принцесса Фиалка хотела бежать в сад к своей полянке, высокая и прямая, как палка, мадам Ворчу цепко взяла её за руку и повела в класс.

Печально смотрели вслед им нянюшка и садовник. Садовник махнул рукой и пошёл к своим растениям, а нянюшка всплакнула в платочек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.